

Руденко Владислав Сергеевич

адъюнкт

ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации»

г. Санкт-Петербург

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫХ УГРОЗ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ДЛЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ**

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема содержательного обновления военно-политической грамотности личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях фундаментальной трансформации информационно-коммуникационной среды. Актуальность исследования обусловлена тем, что технологические тренды – такие как алгоритмическое управление информационными потоками, распространение синтетических медиа и конвергенция цифрового и физического пространств – формируют качественно новые вызовы для внутренней безопасности государства. Обосновывается необходимость интеграции в структуру военно-политической грамотности компонента стратегической медиаграмотности, понимаемой как комплексная способность к критической навигации, осмысленному анализу и ответственному участию в медиасреде. Сформулированы рекомендации по адаптации системы профессиональной подготовки войск национальной гвардии к требованиям информационно-коммуникационной эпохи.*

***Ключевые слова:** военно-политическая грамотность, стратегическая медиаграмотность, войска национальной гвардии, гибридные угрозы, медиакоммуникации, информационное противоборство, синтетические медиа, оперативная среда.*

Введение.

Современное общество переживает период глубокой медиатизации, когда коммуникационные технологии не просто обслуживают социальные процессы,

но и активно формируют новые практики взаимодействия, модели восприятия и сами онтологические основания реальности. Происходящие изменения носят парадигмальный характер, затрагивая ключевые институты, включая сферу обороны и безопасности. Информационное пространство, утрачивая черты нейтрального канала передачи данных, превращается в стратегический ресурс и одновременно в арену перманентного противоборства. В отечественной и зарубежной научной литературе этот феномен получил определение «гибридной войны», где невоенные средства воздействия – информационные, психологические, экономические – применяются скоординированно и в тесной связи с ограниченным использованием военной силы для достижения политических целей [2, с. 188]. В таких условиях традиционные подходы к обеспечению безопасности, опирающиеся преимущественно на силовое сдерживание, оказываются недостаточными.

Особую значимость проблема адаптации к новой реальности приобретает для войск национальной гвардии Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», на войска возложен широкий спектр задач по обеспечению общественной безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, охране важных государственных объектов и специальных грузов [1]. Деятельность Росгвардии по своей природе публична и непосредственно соприкасается с социальной тканью общества. Это делает ее личный состав и объекты защиты первостепенными мишенями в кампаниях информационно-психологического воздействия, направленных на подрыв доверия к государственным институтам, дестабилизацию общественно-политической обстановки и провокацию социальных конфликтов [6, с. 42].

В данной ситуации на первый план выходит качество военно-политической грамотности военнослужащего, определяющей его способность понимать контекст служебной деятельности, осознавать свою роль в системе национальной безопасности и адекватно реагировать на сложные, нестандартные ситуации. Однако содержание военно-политической грамотности, долгое время складывавшееся в условиях иной медиареальности с централизованными каналами вещания

и четкими идеологическими оппозициями, сегодня требует серьезного переосмысления. Его ориентация на репродуктивное усвоение нормативных положений и политических установок оказывается малоэффективной перед лицом изощренных технологий манипуляции, использующих когнитивные слабости, алгоритмические предпочтения и эмоциональные реакции индивида.

Таким образом, центральная проблема настоящего исследования заключается в существующем разрыве между архаичным, инерционным содержанием военно-политической грамотности и комплексными требованиями, которые предъявляет к сотруднику силовых структур современная информационно-коммуникационная среда, ставшая полем масштабного гибридного противоборства.

Целью работы является теоретическое обоснование необходимости структурного обновления военно-политической грамотности личного состава войск национальной гвардии за счет интеграции в ее состав компонента стратегической медиаграмотности, а также разработка концептуальной модели данного компонента.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи.

1. Провести анализ ключевых трендов развития медиакоммуникационной среды и их влияния на характер угроз внутренней безопасности, актуальных для войск национальной гвардии.

2. Осуществить критический разбор традиционной модели военно-политической грамотности, выявив ее слабые места в контексте противодействия современным информационным угрозам.

3. Разработать и содержательно раскрыть многоуровневую модель стратегической медиаграмотности как необходимого элемента обновленной военно-политической грамотности.

4. На основе проведенного анализа предложить практические направления модернизации системы профессиональной подготовки личного состава.

Методологическую базу исследования составляют принципы системного подхода, позволившие рассмотреть военно-политическую грамотность как це-

лостный, структурно организованный феномен. Применялись методы сравнительного анализа для изучения эволюции медиасреды и угроз, методы дискурс-анализа для исследования манипулятивных техник в информационном пространстве, а также теоретического моделирования для конструирования концепции стратегической медиаграмотности.

Трансформация информационно-коммуникационной среды в последнее десятилетие носит стремительный и всеобъемлющий характер. Можно говорить о формировании новой медиареальности, основными атрибутами которой становятся гиперсвязанность, платформенная опосредованность и возрастающая симулятивность. Эти изменения имеют прямое и непосредственное влияние на оперативные условия, в которых действуют войска национальной гвардии, создавая принципиально иные вызовы.

Одним из наиболее значимых трендов является переход к алгоритмическому управлению информационным потреблением. Современные социальные сети и новостные агрегаторы строят персональные ленты контента на основе сложных математических моделей, преследующих цель максимизации времени, проводимого пользователем на платформе. Следствием этого, как отмечают исследователи, становится фрагментация публичной сферы и формирование так называемых «фильтрующих пузырей» – изолированных информационных экосистем, где пользователь сталкивается преимущественно с контентом, соответствующим его уже сложившимся взглядам и предпочтениям [3, с. 6]. Для военнослужащего Росгвардии это означает, что его профессиональные действия будут восприниматься и интерпретироваться не в рамках некоего единого общественного мнения, а через призму множества параллельных, зачастую антагонистичных, медийных реальностей. Противник, будь то иностранный актер или внутренняя деструктивная группа, получает в такой среде мощный инструмент для таргетированного воздействия. Он может адресно насыщать конкретные «информационные пузыри» нарративами о жестокости, некомпетентности или политической ангажированности силовых структур, эффективно радикализируя отдельные социальные группы и подрывая легитимность власти в их глазах. Таким образом,

задача поддержания общественного доверия усложняется, требуя понимания логики функционирования этих алгоритмизированных экосистем.

Другой фундаментальный вызов связан с распространением технологий синтетических медиа, наиболее известным проявлением которых являются «дипфейки» (deepfakes) – гиперреалистичные поддельные видео- и аудиозаписи, созданные с помощью алгоритмов глубокого обучения. Данные технологии радикально снижают порог создания убедительных медиафальсификаций, предназначенных для дискредитации государственных служащих, провокации социальной напряженности или дезориентации общества [4, с. 34]. Возникает угроза так называемых «синтетических инцидентов» – полностью сфабрикованных событий (например, инсценировка противоправных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов), которые, будучи запущены в информационный оборот, способны вызвать волну общественного возмущения и привести к реальным последствиям еще до момента их оперативного разоблачения. Это ставит перед личным составом не только задачу правомерного поведения, но и необходимость владения базовыми навыками медиаверификации, а также неукоснительного соблюдения протоколов фиксации служебной деятельности, обеспечивающих создание надежной цифровой доказательной базы.

Третьим значимым трендом является конвергенция физического и цифрового миров, активное развитие иммерсивных технологий и концепций метавселенных. Эти виртуальные и дополненные реальности перестают быть пространством исключительно развлечений, превращаясь в новые площадки для социального взаимодействия, экономической деятельности и, что особенно важно, политической коммуникации и мобилизации. Уже сейчас можно прогнозировать возникновение новых форм протестной активности, таких как виртуальные пикеты, цифровые акции гражданского неповиновения или координация реальных действий через инструменты дополненной реальности. Для силовых структур, и в частности для войск национальной гвардии, это создает принципиально новую оперативную задачу: разработку правовых, тактических и технических средств

противодействия угрозам, возникающим в пространствах, которые не имеют четкой географической или юридической привязки, где традиционные методы обеспечения общественного порядка могут оказаться неприменимыми.

Сложившаяся в отечественной практике система формирования военно-политической грамотности имеет глубокие исторические корни и во многом наследует подходы, сформированные в иную эпоху. Ее традиционная модель была эффективна в условиях относительно стабильного и централизованно управляемого информационного пространства, где основные идеологические противоречия были хорошо структурированы и понятны. Центральное место в этой модели занимала задача индоктринации – целенаправленного внедрения в сознание личного состава системы официальных политических взглядов, интерпретаций исторических событий и оценок текущей обстановки. Военно-политическая грамотность в таком понимании измерялась прежде всего знанием правильных формулировок, умением артикулировать официальную позицию по ключевым вопросам и демонстрировать лояльность существующему политическому порядку [5, с. 384].

Однако в контексте описанной выше медийной реальности, характеризующейся децентрализацией, полисемией (многозначностью) и высокой скоростью распространения деструктивных нарративов, данная модель обнаруживает свою несостоятельность. Сотрудник, чье понимание служебного долга и политической обстановки сводится к воспроизведению заученных тезисов, оказывается психологически и когнитивно не готов к столкновению с современными технологиями информационно-психологического воздействия. Противник в гибридной войне действует не через прямую идеологическую полемику, а через сложные манипулятивные стратегии, эксплуатирующие эмоции, когнитивные искажения и социальные страхи. Он создает не альтернативную идеологическую систему, а альтернативную реальность – поток контекстуально вырванных фактов, эмоционально заряженных образов и упрощенных объяснений, которые зачастую оказываются убедительнее сухих доктринальных положений.

Отсутствие у личного состава развитых навыков критического мышления, медиаанализа и ситуативной рефлексии делает его уязвимым объектом таких

кампаний. Вместо того чтобы выступать активным субъектом, способным распознать манипуляцию, деконструировать враждебный нарратив и дать ему содержательный ответ, сотрудник рискует занять одну из двух пассивных позиций: либо растерянность и непонимание происходящего информационного давления, либо, что еще опаснее, неконтролируемая эмоциональная реакция, которая сама по себе может стать желанным информационным поводом для противника. Таким образом, традиционная военно-политическая грамотность, лишенная инструментария для работы с современной медиасредой, не только не выполняет свою защитную функцию, но и может косвенно способствовать успеху информационных атак, направленных на дискредитацию силовых структур [7, с. 312].

Преодоление обозначенного кризиса требует не модернизации, а качественного пересмотра содержания военно-политической грамотности. В качестве концептуального ядра такого обновления предлагается интеграция в ее структуру компонента стратегической медиаграмотности. Под стратегической медиаграмотностью понимается целенаправленно формируемый комплекс когнитивных способностей, практических навыков и ценностных установок, обеспечивающих сотруднику войск национальной гвардии эффективное и осмысленное функционирование в условиях современной медиасреды как пространства гибридного противоборства [9, с. 56]. Это не замена традиционным знаниям о государственной политике и военном деле, а их необходимое дополнение и операционализация, переводящее абстрактные положения в плоскость практического анализа и действия.

Структура стратегической медиаграмотности может быть представлена как многоуровневая система, где каждый последующий уровень надстраивается над предыдущим, образуя целостную пирамиду компетенций.

Базовым, фундаментальным уровнем является когнитивно-аналитический. Его задача – сформировать у военнослужащего адекватную ментальную карту современного медийного ландшафта. На этом уровне происходит усвоение знаний об архитектуре цифровых платформ, принципах работы алгоритмов рекомендательных систем, экономических моделях, лежащих в основе так называемой «эко-

номики внимания». Сотрудник должен понимать, как контент производится, распространяется и монетизируется, какие психологические механизмы лежат в основе вирусного эффекта, как формируются информационные тренды и повестки дня. Без этого понимания все последующие действия в медиасреде будут напоминать блуждание в темноте. Цель данного уровня – научить «читать» медийную среду, предвидеть, как то или иное служебное действие может быть интерпретировано и трансформировано в различных информационных экосистемах.

Над когнитивным уровнем надстраивается критико-рефлексивный, основная функция которого – обеспечение когнитивной защиты. Здесь формируются конкретные навыки противодействия манипулятивному воздействию. К ним относятся методики оперативной верификации информации: проверка источника, обратный поиск изображений, анализ метаданных файлов, сопоставление информации из разных, независимых каналов. Не менее важны навыки логического и риторического анализа, позволяющие выявлять в сообщениях распространенные уловки: подмену понятий, апелляцию к эмоциям вместо фактов, наведение на ложные выводы. Особое внимание уделяется распознаванию признаков скоординированных информационных кампаний: работе бот-сетей, астртуфингу (созданию ложного впечатления о массовой поддержке той или иной позиции), использованию шаблонных нарративов. Ключевой компетенцией этого уровня становится способность к деконструкции враждебного нарратива – умению увидеть за отдельными фактами или фейками целостную историю, которую пытается внедрить противник, понять ее целевые аудитории и конечные стратегические цели.

Третий уровень – коммуникативно-проективный – ориентирован на переход от обороны к активному и грамотному позиционированию. Он предполагает, что сотрудник осознает себя не пассивным объектом наблюдения, а актором, чьи действия и слова формируют информационную картину. На этом уровне формируются практические навыки, непосредственно связанные со служебной деятельностью. Во-первых, это навыки ситуативной самопрезентации и управления невербальной коммуникацией в условиях, когда любое действие может быть зафик-

сировано на камеру смартфона и стать предметом широкого обсуждения. Во-вторых, это основы кризисной коммуникации: умение в напряженной, быстро меняющейся обстановке сформулировать и донести до граждан и представителей медиа краткое, ясное, содержательное и, что крайне важно, юридически безупречное сообщение, объясняющее мотивы и законность предпринимаемых действий. Это позволяет перехватить инициативу в формировании информационного повода и лишить противника монополии на интерпретацию событий. В-третьих, это базовые навыки работы с локальными цифровыми сообществами (пабликами, чатами в мессенджерах), позволяющие формировать достоверный информационный фон по месту службы, оперативно реагировать на слухи и фейки, устанавливать прямой канал коммуникации с населением.

Все перечисленные уровни опираются на прочный аксиологический фундамент – систему ценностных ориентаций и смысловых установок. В условиях войны, где предметом борьбы являются не только территории, но и умы, ценности, историческая память, никакие технические навыки не обеспечат устойчивости без глубокого внутреннего стержня. Речь идет не о декларативном патриотизме, а об экзистенциально усвоенном, рефлексивно выверенном понимании служения Отечеству. Этот фундамент формируется на основе изучения истории, культуры, традиций, осмысления роли силовых структур в защите конституционного строя и суверенитета страны. Именно он придает смысл применению аналитических и коммуникативных компетенций, превращает их из набора техник в осознанный профессиональный выбор и источник личной мотивации в сложных ситуациях.

Реализация предложенной концепции требует не единовременной акции, а последовательной системной работы по обновлению содержания профессиональной подготовки личного состава войск национальной гвардии. Учитывая динамичный характер развития медиаугроз, эта работа должна носить опережающий и адаптивный характер.

Первостепенное значение имеет модернизация учебных программ на всех уровнях профессионального образования – от первоначальной подготовки рядового состава до курсов повышения квалификации офицеров. Необходимо разработать и внедрить интегрированный модуль «Основы стратегической медиаграмотности и информационной безопасности». Его содержание должно быть практико-ориентированным и строиться не на лекционных форматах, а на активных методах обучения: разборе реальных и смоделированных кейсов информационных атак, деловых играх, имитирующих кризисные коммуникационные ситуации, практикумах по верификации контента и анализу медиадискурсов. Особое внимание следует уделять сценариям, максимально приближенным к повседневной служебной деятельности сотрудников Росгвардии.

Важным организационным шагом могло бы стать создание в структуре войск национальной гвардии специализированных подразделений или мобильных групп информационно-аналитического сопровождения. Их задачами стали бы оперативный мониторинг медийной и социальной сети в районах проведения ответственных мероприятий или в зонах повышенной напряженности, анализ нарративов и трендов, а также методическая и консультационная поддержка командного и рядового состава на местах по вопросам публичной коммуникации и противодействия информационным провокациям. Такие группы выступали бы связующим звеном между аналитическими центрами и линейными подразделениями.

Техническое оснащение процесса также требует внимания. Речь идет о разработке и внедрении защищенных мобильных платформ или приложений, которые предоставляли бы военнослужащим в режиме реального времени аналитическую сводку по информационной обстановке, ключевым нарративам и потенциальным рискам в зоне их ответственности. Освоение таких технологий значительно расширяет возможности для формирования военно-политической грамотности, так как каждый участник может визуально и эмоционально понимать последствия тех или иных действий в условиях, приближенных к реальности [8, с. 355]. Кроме того, необходимо стандартизировать и повсеместно внедрить современные средства аудиовизуальной фиксации служебной деятельности

с криптографической защитой метаданных, что является важнейшим элементом обеспечения доказательной базы и парирования фальсификаций.

Наконец, успешная адаптация невозможна без установления прочных связей с научным и экспертным сообществом. Необходимо наладить системное взаимодействие с ведущими исследовательскими институтами в области социологии, политологии, психологии и медиаисследований, а также с компаниями, разрабатывающими цифровые технологии и системы искусственного интеллекта. Целью такого сотрудничества является проведение совместных исследований, организация экспертных семинаров, своевременное прогнозирование технологических трендов и разработка адекватных ответов на возникающие вызовы.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что эволюция информационно-коммуникационной среды носит не технологический, а цивилизационный характер, кардинально меняя условия функционирования силовых структур государства. Для войск национальной гвардии, стоящих на страже внутренней безопасности, эта трансформация означает необходимость фундаментального пересмотра подходов к формированию ключевых профессиональных качеств личного состава.

Военно-политическая грамотность, понимаемая как ядро мировоззренческой и оперативной готовности военнослужащего, не может более ограничиваться рамками идеологического просвещения. Она должна быть обогащена и структурно перестроена за счет интеграции компонента стратегической медиаграмотности. Предложенная в работе модель данного компонента, включающая когнитивно-аналитический, критико-рефлексивный, коммуникативно-проективный уровни, опирающиеся на прочный аксиологический фундамент, представляет собой попытку концептуализации нового качества, необходимого защитнику Отечества в XXI веке.

Это качество предполагает способность быть не объектом, а субъектом в информационном пространстве: понимать его законы, критически оценивать по-

токи данных, противостоять манипуляциям и эффективно коммуницировать с обществом. Формирование такой способности является стратегической задачей, от решения которой зависит не только оперативная эффективность войск национальной гвардии в конкретных ситуациях, но и их долгосрочная легитимность, общественная поддержка и, в конечном счете, устойчивость государственной системы в условиях перманентного гибридного противоборства. Инвестиции в развитие стратегической медиаграмотности – это инвестиции в интеллектуальный суверенитет и когнитивную оборону страны.

Список литературы

1. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 №226-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – №27 (ч. I). – Ст. 4159.
2. Бартош А.А. Гибридные войны и информационная безопасность России / А.А. Бартош. – М.: Курс, 2021. – 188 с.
3. Вартанова Е.Л. Алгоритмическая культура и цифровая среда: вызовы для медиаграмотности / Е.Л. Вартанова, Д.В. Дунас // Медиальманах. – 2021. – №3(104). – С. 6–21.
4. Волковыский Н.Г. Военно-политическая подготовка в Вооружённых Силах: современные подходы и проблемы / Н.Г. Волковыский // Военная мысль. – 2019. – №11. – С. 34–42.
5. Грачев Г.В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Академический проект, 2002. – 384 с. EDN ZUPPZJ
6. Манойло А.В. Информационно-психологические операции в современных конфликтах / А.В. Манойло // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – №4. – С. 42–58.
7. Подберёзкин А.И. Военно-политическая работа: теория и практика / А.И. Подберёзкин. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 312 с.

8. Руденко В.С. Информационные технологии в формировании военно-политической грамотности у военнослужащих / В.С. Руденко // XXIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. В 2-х томах (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2025 г.). – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2025. – С. 335–342. EDN IGXMVP

9. Федоров А.В. Медиаграмотность: эволюция понятий и компонентов / А.В. Федоров // Информационное общество. – 2021. – №4. – С. 56–67.